

УДК 81'42, 81'44
UDC 81'42, 81'44

Федуленкова Татьяна Николаевна
Владимирский государственный университет
г. Владимир, Российская Федерация
Tatiana N. Fedulenkova
Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation
fedulenkova@list.ru

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Л. А. НЕФЕДОВОЙ,
Э. Ш. НИКИФОРОВОЙ, Н. С. ОЛИЗЬКО «КОГНИОТИП
СУДЕБНОГО ДИСКУРСА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ»**
**REVIEW OF THE MONOGRAPH OF L. A. NEFEDOVA,
E. SH. NIKIFOROVA, N. S. OLIZ'KO «COURTROOM DISCOURSE
COGNITIVE TYPE: A COMPARATIVE STUDY»**

Аннотация

Рецензируемая монография представляет результаты сопоставительного лингвистического анализа российской, казахской и американской когнитивных моделей судебного дискурса. В качестве общих дифференциальных признаков данного типа дискурса выделены институциональность, конвенциональность и театральность. Анализ транскриптов заседаний суда показал, что, независимо от языка, этот дискурс характеризуется триединством локуции, иллокуции и перлокуции. Первая призвана информировать о личности подсудимого, вторая осуществляется участниками судебного процесса (прокурором, адвокатом, защитником, свидетелем) с определённой интенцией, а её результаты отражены в третьей. Была также отмечена интертекстуальность, выраженная широким спектром внутри- и межтекстовых отношений. Речевое поведение участников судебного процесса обнаруживает ряд общих стратегий в зависимости от выполняемой роли. Авторы показали, что стратегия обвинения характеризуется набором универсальных тактик, включающих создание отрицательного образа подсудимого, предоставление фактов, доказывающих его вину, дискредитацию показаний свидетелей защиты, обвиняемого и выводов адвоката, демонстрацию самых шокирующих деталей преступления, использование многочисленных цитат. Стратегия защиты характеризуется симметричным речевым поведением, использующим противоположные тактики для конфронтации с позицией обвинителя. Кроме этого, в трёх языках отмечена эмоциональная составляющая, которая была выделена в отдельную стратегию. В зависимости от языка, были выделены особенности реализации указанных тактик. Участники американских процессов в большей степени использовали прямую конфронтацию, фактическую подачу материала, высокую степень детализации и постоянную демонстрацию улик. Российские участники сочетали конфронтацию с компромиссом, были склонны к меньшей детализации и большему обобщению, редко демонстрировали улики, прибегая в основном к описанию. Казахские участники всегда стремились достигнуть компромисса. Очевидно, что данные особенности являются результатом социально-культурных и языковых различий трёх народов и выработанных на их основе стереотипов.

Abstract

The book reviewed presents the results of comparative linguistic study of Russian, Kazakh and American cognitive models of courtroom discourse. The discourse common relevant features are institutionality, conventionality and theatricism. During the analysis of courtroom session transcripts, the unity of locution, illocution and perlocution was found to characterize the discourse type independent of the language. The first one is meant to inform about the defendant, the second one is performed by a courtroom subject (prosecutor, lawyer, defendant, witness) with a certain intention and results in the third one. Also, intertextuality was observed to be expressed in various inner-text and inter-text relations. Speech behavior of the subjects was found to follow common strategies depending on the roles performed. It was shown that accusation strategy is characterized by a number of tactics that include creating the negative image of the defendant, giving facts that prove the defendant's guilt, discrediting the evidence in favor of the defendant, defendant's words and the lawyer's reasons, demonstrating the most shocking details of the crime, providing abundant quotations. Symmetrical speech behavior of the defense strategy used a number of opposite tactics to confront the prosecutor's position. Besides, in all the three languages, emotional appeal was found and interpreted as a separate strategy. Language-specific differences were observed in terms of tactics manifestation. American participants tactics were mostly geared toward direct confrontation, more factual presentation with bigger detail and demonstration the evidence. Russian participants tactics combined confrontation with compromise, was less detailed and more generalizing, rarely demonstrative and mostly descriptive. Kazakh participants tended to be most compromising. These are obviously the results of differences among the three nations following their social-cultural and linguistic stereotypes.

Ключевые слова: стратегии и тактики в судебном дискурсе, общие дифференциальные признаки, обусловленные разницей языков черты, более или менее детализированное языковое представление фактов, языковые средства конфронтации и компромисса, социокультурные и языковые стереотипы.

Keywords: courtroom language strategies and tactics, common relative features, language-dependent differences, more or less detailed linguistic presentation of facts, language means of confrontation and compromise, social-cultural and linguistic stereotypes.

doi: 10.22250/2410_7190_2019_5_2_197_205

Антропоцентрическая парадигма современного языкознания направляет интерес исследователей в сторону изучения когнитивных процессов в лингвокреативной деятельности языковой личности. Одним из таких аспектов является институциональная деятельность, проявляющаяся во многих сферах: педагогической, религиозной, научной, политической, медицинской, юридической и так далее. Каждая из них характеризуется своим типом дискурса (см. об этом [Карасик, 2002]). Особого внимания заслуживают исследования, посвящённые изучению юридического дискурса, отдельных лингвистических аспектов языка права и юриспруденции на ма-

териале различных языков. Число таких исследований в последнее время растёт: анализируется судебный дискурс как феномен в русской и некоторых англоязычных культурах [Дубровская, 2014]; изучаются институциональные характеристики судебного дискурса, его типичные черты (см., напр., [Булахтина, 2018] и др.); рассматриваются классификации жанров судебного дискурса и особенности его нарративного моделирования [Палашевская, 2012]; исследуется речевое поведение сторон судебного процесса, например, судьи и защитника (см. подробнее [Дубровская, 2010] и др.) и прочие аспекты. Среди них коллективная монография «Когниотип судебного дискурса: сопоставительный аспект» занимает достойное место.

По формальным признакам рецензируемая монография полностью соответствует данному виду научных работ. Её объём составляет 172 страницы. Монография имеет традиционную структуру: введение, три главы, заключение и библиография, которая включает 126 научных и учебных работ (из них 19 на иностранных языках – английском и французском), 14 словарей и 39 источников экспериментального материала (речи, протоколы, стенограммы).

Итак, рецензируемая монография представляет собой оригинальную трактовку судебного дискурса как сложной ментально-лингвистической модели представления типической жанровой ситуации «судебный процесс», которому присущи такие черты, как институциональность, конвенциональность, театральность.

В рамках данной работы когниотип трактуется как ментально-лингвистическая модель представления типической жанровой ситуации. Данная модель принадлежит к конкретной предметной области, отличается тематической цельностью и завершенностью, характеризуется прототипической архитектурой, реализуется набором языковых выражений, соотнесенных в подсознании субъекта общения с данной предметной областью, и представляет собой ментально-лингвистическую модель декларативно-процедурных знаний. Выявление лингвистических и социокультурных особенностей когниотипа осуществляется на основе анализа набора текстов соответствующей предметной области. Данное исследование опирается на анализ текстов-транскриптов судебных заседаний по уголовным делам, проходившим в России, Казахстане и США.

Когниотип судебного дискурса, по мнению авторов, характеризуется жесткой структурированностью и представляет собой единство трех актов: локуции, иллокуции, перлокуции. Первым структурным компонентом судебного разбирательства является локутивный акт – акт установления личности подсудимого. Локутивный акт выполняет роль объективного информирования слушающих. Иллокутивный акт осуществляется субъектом речи (адвокат, прокурор, обвиняемый, свидетели) с определенной интенцией, результаты которой отражены в перлокутивном акте. Другими словами, судебный дискурс как когниотип является сложной структурой, состоящей из объективных элементов, которые представляют типичный алгоритм, касающийся судебного процесса.

Отличительной особенностью когнитивного типа «судебный дискурс» является способность текстов, формирующих данный дискурс, ссылаться друг на друга посредством заимствования содержательных и формальных элементов, принадлежащих другим текстам. В данной работе типология интертекстуальности строится в двух плоскостях – на горизонтальном уровне, устанавливающем синтагматические (метонимические, индексальные) отношения между частями отдельного текста, и вертикальном уровне, определяющем парадигматические (метафорические, иконические) связи текста с прецедентными феноменами. Каждый из указанных уровней характеризуется наличием внутренних и внешних связей. Соответственно, в монографии показывается, как интертекстуальные связи в судебном дискурсе реализуются посредством гипертекстуальных, метатекстуальных, архитектстуальных и интекстуальных отношений. Гипертекстуальность трактуется как межтекстовые отношения в рамках определенного вида институционального дискурса. Данные тексты характеризуются общностью содержания, структуры и функциональных особенностей. Под архитектстуальностью понимается установление в тексте набора характеристик, типично ассоциируемых с определенным прецедентным жанром. Одним из прецедентных жанров судебного дискурса выступает, например, жанр закона, основными характеристиками которого являются компактность, повествовательность, использование номинативных предложений с перечислением, прямой порядок слов, употребление сложноподчиненных предложений и так далее. Метатекстуальные отношения характеризуются как отношения, реализуемые посредством авторского комментария (толкования, интерпретации) в отношении содержания того или иного текста. Например, связь между текстами законов и комментариями к ним устанавливается посредством использования однотипной юридической лексики, общего порядка слов, рамочных конструкций, подобных видов предложений и так далее. Интекстуальность представляется авторами как текстовые включения, вносящие в данный текст информацию о различных прецедентных феноменах посредством использования цитат и ссылок. Прецедентные феномены при этом «хранятся» в когнитивной базе в виде инвариантов восприятия и могут быть при необходимости актуализированы посредством вербальных средств через активизацию самого инварианта восприятия или через какую-то деталь, атрибут или символ. Когнитивные структуры, описывающие прецедентные феномены как знание, которое человек приобретает в предшествующем культурном опыте, выступают средством актуализации так называемых «вечных образов», стимулирующих возникновение определенных устойчивых ассоциаций при восприятии. Процесс понимания «устойчивых образов» – это применение неких когнитивных операций по восстановлению или реконструкции тех полных структур знаний, сокращенными аналогами которых они являются. Речь, очевидно, идет о структурах, представляющих собой высокоинтегрированные образцы языкового употребления, которые активизируются и отображаются на воспринимаемый текст в соответствии с конкретной речевой

стратегией. В самом общем виде стратегия определяется авторами как характеристика когнитивного плана высказывания, контролирующего оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о ситуации общения и ее участниках. В случае установления интертекстуальных отношений основу когнитивного плана высказывания составляют, по мнению авторов, соответствующие принципы реализации устойчивых ассоциаций, актуализирующих межтекстовые связи двух и более текстов посредством обращения к тем или иным прецедентным феноменам.

В ходе исследования авторами было установлено, что представление об определённой жанровой ситуации состоит из знания коллективного и знания индивидуального. По этой причине в монографии помимо социокультурного когниотипа выделяется индивидуальный когниотип, существующий в сознании отдельного субъекта общения, обусловленный его собственными коммуникативно-познавательными потребностями и эволюционирующий в процессе приобретения социального и текстового опыта. Полнота индивидуального когниотипа ставится в зависимость от уровня образования языковой личности вообще и компетентности языковой личности в данной предметной области. В связи с этим в работе осуществляется рассмотрение социального когниотипа «судебный дискурс» в целом и отдельных когниотипов участников судебного процесса в виде основных обобщённых моделей, таких как «судебный юрист» и «подсудимый» внутри общего когниотипа «судебный дискурс».

Судебный дискурс понимается как общепринятый тип речевого поведения участников судебного процесса, детерминированный утвердившимися стереотипами, возникшими в судебном процессе и ограниченный конкретными обстоятельствами разбираемого дела в ходе судебного заседания, который является вербально-знаковым выражением процесса коммуникации в ходе судебного процесса. При этом конечной целью самого судебного процесса является разрешение правового конфликта и изменение правовой ситуации.

Совокупность элементов речевого события, включающая его участников, отношения между ними и обстоятельства, в которых происходит общение, называется в монографии речевой ситуацией. Институциональное общение, к разряду которого относится общение в рамках судопроизводства, имеет статусно-ролевую, конвенциональную природу, ядром которого является профессиональное общение. Конвенции выполняют функцию ограничения, сдерживания возможной агрессии, они ориентированы на социокультурные нормы, модели и стандарты речевого поведения. Подчеркивается жёсткая конвенциональность судебного общения, причём нормы поведения в суде чётко прописаны законом и подлежат строгому соблюдению.

Дается характеристика действий субъектов в судебном дискурсе, которые подчинены строгой процессуальной процедуре, состоящей из следующих стадий: дискурс как дискуссия сторон; дискурс как столкновение

различных интерпретаций; дискурс формулирования и принятия судебного решения. Содержание судебного дискурса составляет характеристики правовой информации, то есть судебных речей, произносимых участниками процесса, и норм права, выраженных в нормативно-правовых актах и воспроизводимых в процессе судебного разбирательства. Описывая судебный дискурс, помимо специфических форм речевого и письменного взаимодействия, авторы монографии обращают внимание на так называемые стереотипы речевого поведения, а именно на типичные, образцовые формы речевого общения. Обращается внимание на то, что судебный документ представляет особую терминологическую систему. Юридические термины, широко используемые в судебных документах, обладают следующими характеристиками – определенностью, однозначностью, отсутствием эмоциональной окраски, независимостью от контекста и пр.

В ходе проведенного авторами исследования установлено, что средой, внутри которой реализуется коммуникативное воздействие являются аргументативно-суггестивные или воздейственные тексты, основной прагматической целью которых является оказание на реципиентов воздействия в виде убеждения, внушения и побуждения. В соответствии со статусно-ролевыми характеристиками и целями профессиональных участников судебного дискурса к базовым стратегиям коммуникативного воздействия относятся стратегии обвинения, защиты и эмоционального воздействия.

Стратегия обвинения определяет принцип построения коммуникативного поведения прокурора. Речевое поведение адвоката, представляющего интересы подсудимого, реализуется через использование коммуникативной стратегии защиты. Коммуникативная стратегия эмоционального воздействия, направленная на привлечение судей и присяжных на свою сторону, используется всеми участниками дискурса. Выявляется определённый набор коммуникативных тактик, через которые реализуются все рассмотренные стратегии.

К базовым коммуникативным тактикам стратегии обвинения авторы относят следующие тактики: а) отрицательная характеристика подсудимого (имплицитная и эксплицитная); б) констатация фактов, доказывающих виновность подсудимого; в) дискредитация показаний свидетелей защиты, подсудимого и доводов адвоката; г) преувеличение тяжести совершенного преступления, нанесённого ущерба; д) описание наиболее шокирующих деталей преступления; е) тактика цитирования. Отмечается способность данных тактик выстраиваться в определённых комбинациях в зависимости от характера рассматриваемого дела, личностных и этнокультурных характеристик участников судебного процесса.

В монографии дается также детальный анализ стратегии защиты, реализуемой адвокатами и актуализируемый посредством следующих коммуникативных тактик: тактика положительной характеристики подсудимого; тактика полного или частичного отрицания вины, или апелляция к искреннему раскаянию подсудимого; тактика дискредитации выводов следствия,

показаний свидетелей обвинения, доводов прокурора; тактика преуменьшения тяжести совершённого преступления, нанесённого ущерба, отрицательной характеристики потерпевшего; тактика цитирования. Анализируемый материал позволяет авторам утверждать, что набор базовых тактик стратегий обвинения и защиты симметричен, т. е. каждой тактике стратегии обвинения соответствует тактика стратегии защиты, что объясняется постоянной конфронтацией сторон, а, следовательно, необходимостью адекватной реакции на применённую противной стороной тактику.

Опираясь на тот факт, что как адвокаты, так и прокуроры пытаются оказывать эмоциональное воздействие в ходе реализации стратегий защиты и обвинения, авторы монографии отдельно выделяют стратегию эмоционального воздействия, которая применяется всеми участниками судебного процесса и имеет сходную реализацию, независимую от статуса участников процесса. В работе дается детальная характеристика номенклатуры коммуникативных тактик, посредством которых реализуется стратегия эмоционального воздействия: тактики самопрезентации, комплимента, имитированного диалога, создания «круга своих», создания «круга чужих», апелляции к жизненному опыту и здравому смыслу судьи и/или присяжных, аналогии, конвенциональной вежливости.

Важно отметить, что в ходе проведенного сравнительно-сопоставительного анализа выявлены особенности реализации указанных тактик через текстовые категории аргументативности и суггестивности. Авторы приходят к выводу о том, что аргументативное воздействие текстов судебной риторики усиливается за счет привлечения суггестивного ресурса. При этом отмечается влияние культурных традиций отдельных стран. Например, риторические вопросы, являясь неотъемлемым компонентом всех рассмотренных речей, значительно чаще встречаются в речах американских прокуроров и адвокатов, что, наряду с ярко выраженными модальностью, персональностью и преобладанием прямого обращения, способствует привлечению внимания и установлению контакта с аудиторией. Русскоязычные и казахоязычные юристы более сдержаны в выражении собственного мнения, стараются придерживаться официального протокола, что согласуется с существующей традицией и особенностями организации судебного процесса в этих странах. При этом общественная оценка действий подсудимого, акцент на нарушении негласных норм морали характерны для менталитета как русскоязычных, так и казахоязычных представителей, в то время как англоязычные прокуроры, характеризуя подсудимого, стараются не прибегать к прямому указанию на какие-либо личностные качества и на первый план выдвигается характеристика совершённых действий. Когда речь идет об адвокатах, то американские адвокаты предпочитают прямую конфронтацию, российские юристы сочетают элементы конфронтации и компромисса, а казахстанские адвокаты всегда стремятся найти компромисс, в общем и целом согласиться с выводами прокурора и следствия. Эта ситуация обусловлена особенностями мента-

литета (традиционное на востоке уважение к власти, к старшим) и особенностями статусно-ролевой структуры судебного дискурса в разных странах. Констатируя факты, представители всех рассмотренных лингвокультур придерживаются одних и тех же принципов: объективности, логичности, полноты, имперсональности. Никаких особых отличий авторами не замечено, кроме степени детализации описания: американские прокуроры, как правило, описывают все мельчайшие детали совершения преступления, при необходимости прибегая к демонстрации улик, чтобы сделать речь более убедительной, наглядной. В российских, и особенно в казахстанских, судах информация подаётся в более сжатом виде, с меньшей детализацией, юристы редко прибегают к наглядной демонстрации улик, обычно зачитывая заранее подготовленные материалы, поскольку основная работа над материалом осуществляется на досудебном этапе.

В результате дискурсивного анализа установлено наличие устойчивой части в судебном дискурсе: этапы судебного заседания, фиксированные роли, сходные целевые установки участников. Меняются только участники со своими индивидуальными представлениями, убеждениями, интенциями, которые, при этом действуют в рамках заданной, строго детерминированной речевой ситуации. Отмечается, что когнитивные типы «судебный юрист» и «подсудимый» представителей русской, казахской и американской лингвокультур имеют много сходных черт, что объясняется в монографии особенностями конвенций судебной коммуникации. Выявленные различия объясняются особенностями менталитета, наличием определённых устойчивых стереотипных ментальных моделей.

В целом, данная монография представляет собой солидный новаторский труд по теории дискурса и может претендовать на настольную книгу по юридической лингвистике.

Список литературы

1. Булахтина, Н. А. Институциональные характеристики судебного дискурса (на материале английского языка) [Текст] / Н. А. Булахтина // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 1 (22). – С. 32–34.
2. Дубровская, Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков) [Текст] / Т. В. Дубровская. – М. : Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. – 351 с.
3. Дубровская, Т. В. Судебный дискурс как культурный феномен: национально-культурные особенности речи судей (на материале русских, английских и австралийских судебных заседаний) [Текст] / Т. В. Дубровская // Вопросы языкознания – 2014. – № 2. – С. 76–88.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
5. Нефедова, Л. А., Никифорова, Э. Ш., Олизько, Н. С. Когнитивный тип судебного дискурса: сопоставительный аспект. – Челябинск : Энциклопедия, 2016. – 172 с. – ISBN 978-5-91274-308-5.

6. Палашевская, И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность [Текст] : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Палашевская Ирина Владимировна ; Волгоград. гос. соц.-пед. ун-т. – Волгоград, 2012. – 389 с.

References

1. Bulahtina, N. A. (2018). Institutsionalnye kharakteristiki sudebnogo diskursa (na materiale angliyskogo yazyka) [Institutional features of judicial discourse (on the material of English language)]. Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal [Baltic Humanitarian Journal], 7, 1 (22), 32–34.
2. Dubrovskaja, T. V. (2010). Sudebnyy diskurs (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Courtroom discourse: Speech behavior of a judge (Based on Russian and English)]. Moscow : Akademiya MNEPU Press.
3. Dubrovskaja, T. V. (2014). Sudebnyy diskurs kak kul'turnyy fenomen: natsionalno-kulturnye osobennosti rechi sudey (na materiale russkikh, angliyskikh i avstrliyskikh sudebnykh zasedaniy) [The discourse of court as a cultural phenomenon: National cultural features in the speech of judges (case studies of court sessions in Russia, England, and Australia)]. Voprosy Jazykoznanija [Topics in the Study of Language], 2, 76–88.
4. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language cycle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd : Peremena Press.
5. Nefedova, L. A., Nikiforova, E. Sh., Oliz'ko, N. S. (2016). Kogniotip sudebnogo diskursa: sopostavitel'nyy aspekt [Courtroom discourse cognitive type: A comparative study]. Chelyabinsk : Entsiklopediya Press. ISBN 978-5-91274-308-5.
6. Palashevskaya, I. V. (2012). Sudebnyy diskurs: funktsii, struktura, narrativnost' [Courtroom discourse: Functions, structure, narrativity]. Doctoral in Philological sci. diss. Volgograd : Volgograd State Socio-Pedagogical University.